

**КОНФЕРЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
ПО ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИЮ**

Distr.
LIMITED

TD/L.363
12 February 2000

RUSSIAN
Original: ENGLISH

Десятая сессия
Бангкок, Таиланд
12-19 февраля 2000 года

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ
ЮНКТАД Г-НА РУБЕНСА РИКУПЕРУ**

Вскоре после падения Берлинской стены философа Эммануэля Левинаса спросили о том, восторжествовала ли теперь, по его мнению, демократия. "Нет, - ответил он, - я думаю, она проиграла, причем существенно. Несмотря на все ужасы и крайности, коммунизм всегда ассоциировался с надеждой и ожиданием. Надеждой на то, что удастся исправить зло, причиненное слабым, и ожиданием более справедливого социального порядка. Я не хочу сказать, что у коммунистов было решение или они его готовили. Как раз наоборот. Однако была идея о том, что история имеет определенный смысл и направление и что жизнь бессмысленна и абсурдна. Эта идея сформировалась у народов западных стран с XVIII века и благодаря Марксу прочно укоренилась в XX веке. Я не думаю, что окончательную утрату этой идеи можно считать крупным интеллектуальным достижением. До последнего времени мы знали, в каком направлении развивается история и какое значение должно иметь время. Теперь же мы топчемся как слепые котята, то и дело спрашивая себя: "что за времена настали?" Спрашивая фаталистично, что немного напоминает то, каким образом некоторые люди в России постоянно задаются вопросом: "Ну что за время?" И никто теперь не знает ответа".

Эти красивые строки Левинаса служат хорошей основой для размышлений. В них содержится три основные идеи. Во-первых, история, т.е. процесс развития общества, должна иметь определенное направление и должна наполнять конкретным содержанием политику и экономику. Во-вторых, такое ощущение направленности может исходить только от устранения нищеты и нужды и создания более совершенного мира. В-третьих, нам необходимо начать здесь и сейчас, оглянувшись вокруг и спросив себя: "Где мы находимся? К чему мы хотим прийти? И что за время настало?"

Мы стоим на заре нового столетия, в самом начале третьего тысячелетия и находимся в центре большого и древнего Азиатского континента, где сосредоточена большая часть человечества: единственный регион, где после экономического расцвета Японии появился еще десяток успешных примеров, включая Таиланд, демонстрирующих, что развитие – это вовсе не несбыточная мечта. Однако, находясь здесь, в Бангкоке, мы помним, что менее чем три года назад он стал эпицентром финансовых потрясений, поставивших под угрозу результаты, достигнутые за 30 лет.

В настоящее время Азия выбралась из этого кризиса и вновь заняла прочное место на мировой сцене. Ей удалось добиться этого за счет упорства, огромных усилий, страданий, а также благодаря сотрудничеству со стороны международного сообщества. Факторы, которые позволили азиатским странам добиться таких результатов, не потеряли своей актуальности: высокая норма сбережений, эффективная макроэкономическая политика, инвестиции в людские ресурсы, экспортная ориентация, партнерство между государственным и частным секторами. Эти факторы представляют собой необходимые условия для развития, суть и тот минимальный знаменатель, с которым все мы, вероятно, можем согласиться. Вместе с тем недавний массовый сбой в функционировании финансовых рынков продемонстрировал, что этого далеко не достаточно.

Этот сбой сказался не сколько на наименее развитых странах, сколько на тех странах из числа развивающихся, которые являются более развитыми и которые добились успехов в вышеупомянутых областях. Безусловно, они могли сделать больше в совершенствовании регулирования и банковского надзора, в искоренении политического nepотизма и в других сферах. Однако помогло бы ли это им уберечься от болезненных последствий расползания кризиса? Весьма сомнительно, судя по тому, что происходило в некоторых странах, где подобные проблемы проявились не столь остро (например, в Гонконге). Эти страны также понесли серьезные потери в виде сокращения производства и высокой безработицы.

Фактически, нам пришлось усвоить трудный урок, заключающийся в том, что прогресс в развитии вовсе не обязательно приводит к снижению уязвимости по

отношению к внешним шоковым потрясениям. Он может смягчить и сократить процесс болезненных испытаний, не гарантируя, однако, полной защиты. Как ни парадоксально, причина этого заключается в том же, что сделало возможным процесс развития в Азии, а именно в интеграции в мировую экономику. Именно благодаря интеграции некоторым азиатским странам удалось добиться экономического роста за счет расширения экспорта в соседние страны и на мировые рынки. Однако как раз именно из-за интеграции они стали жертвами капризов и причуд так называемого "стадного поведения" финансовых рынков. Мишель Камдессю метко отразил это в своем заявлении накануне Лионского совещания "большой семерки", отметив, что XXI век начался с мексиканского кризиса, продемонстрировавшего, насколько неразрывно связаны между собой национальные решения и глобальные последствия и, безусловно, наоборот, глобальные решения и национальные последствия.

Другими словами, никуда не деться от взаимозависимости, приводящей как к положительным, так и к отрицательным последствиям. Вместе с тем для некоторых взаимозависимость приводит к более существенным последствиям, поскольку они являются более слабыми и уязвимыми и нуждаются в большей защите.

Именно такой смысл я вкладываю во фразу "здесь и сейчас", т.е. непосредственный контекст нашей встречи. Нынешний форум является подходящим местом для тщательного и углубленного анализа опыта развития за последние несколько десятилетий. Сначала следует проанализировать достигнутые результаты: что было сделано правильно, а что неверно и почему? Во-вторых, необходимо выяснить, что, было упущено в исходном подходе, когда основной упор был сделан на накоплении капитала, повышении производительности и расширении торговли, а не помощи. Некоторые из ответов вполне очевидны: окружающая среда и ее значение для устойчивости процесса развития, качественные аспекты роста, распределение доходов, борьба с нищетой, роль женщин, укрепление институтов и развитие человеческого потенциала. Это - некоторые из тех аспектов, которые должны быть интегрированы при синтезе нового мышления, новой парадигмы и, в-третьих, какие задачи нас ждут впереди? Общими для всех будут, вероятно, такие задачи, как снижение неустойчивости краткосрочного капитала, расширение потенциала предложения путем уменьшения зависимости от нескольких сырьевых товаров и освоение технологии в эпоху, когда развитие все в большей степени определяется знаниями, а не другими факторами, однако круг стоящих задач, безусловно, гораздо шире.

Как, вероятно, заметили, я не затронул крайние, взаимоисключающие альтернативы, такие, как государство и рынок, ценовая стабильность и экономический рост, гибкость рынков труда и защита занятости, командные методы и свобода предпринимательства,

иностранный и национальный капитал, интеграция и автократия. Я сделал это потому, что считаю эти проблемы надуманными, которые концептуально были решены уже давно. Вместо того, чтобы тратить время впустую, вновь поднимая старую полемику, нам следует сосредоточить усилия на реальных задачах современности, заостряя внимание на фактах и эмпирическом опыте, а не на идеологии, и пытаясь, в частности, увязать и сблизить элементы традиционных дихотомических альтернатив, с тем чтобы они оказывали взаимоусиливающее воздействие и в большей степени согласовывались друг с другом.

В данном случае ключевое значение имеет согласованность: причем согласованность не только между внешней экономической средой и внутренней политикой, но и согласованность в рамках каждой из этих двух сфер. В данном отношении Юго-Восточная Азия могла бы стать предметом целевого исследования. Проблема, возникшая первоначально в финансовом секторе, вскоре затронула национальные валюты и затем начала подрывать торговые рынки во всем мире. Можно ли было устранить трудности, возникшие в финансовой и денежно-кредитной сферах, с помощью политики, которая не вынуждала бы затронутые страны сокращать импорт, а помогла бы им выбраться из кризиса за счет расширения экспорта, что способствовало бы поддержанию импортного спроса на высоком уровне? Или, если немного изменить формулировку вопроса, можно ли было проводить политику, обеспечивающую более значительную согласованность между финансами, валютной сферой и торговлей?

Это, безусловно, относится также и к внутренней политике, причем не только с точки зрения согласованности между денежно-кредитной и бюджетно-финансовой политикой, но и применительно к социальной политике в самом широком понимании. Как гражданам развивающегося мира нам не следует оспаривать представление о том, что эффективное и добросовестное управление, права человека и социальные права, значительные инвестиции в людские ресурсы, образование, здравоохранение и здоровая окружающая среда являются неотъемлемыми компонентами любой конструктивной и долговременной стратегии в области развития. Не секрет, что иногда эти цели служили в качестве политического инструмента или использовались предвзято или выборочно для осуществления дискриминации или навязывания необоснованных условий. Однако это не делает их менее желательными или значимыми. В конечном счете, если мы хотим добиться развития, то именно как раз для того, чтобы иметь возможность воспользоваться этими выгодами. И если у процесса глобализации есть глубокий смысл, то он заключается в осознании универсального характера демократических ценностей и прав человека и в понимании того, что они не принадлежат к какой-либо определенной культуре или группе стран и составляют основу мировой этики, поощряющей диалог,

взаимопонимание и сотрудничество между культурами, религиями и цивилизациями, а не столкновения, конфликты и нетерпимость.

Несмотря на эту истину, мир по-прежнему остается крайне разнородным и характеризуется значительными перекосами. Пытаясь добиться согласованности или реализации всеобщих надежд, страны находятся в весьма неодинаковом положении. Стремясь понять механизмы процесса развития, не следует упускать из виду столь различные условия и неодинаковую обеспеченность активами. Развитие по своей сути является сложным процессом, требующим гибкости, поэтапности, адаптируемости и широкого набора инструментов в проводимой политике и стратегиях и соответствующей последовательности в реализации реформ. Именно поэтому не может существовать единого комплекта рецептов, безотказных и догматичных парадигм и консенсуса. Как неоднократно говорил отец – основатель Итальянской Республики Де Гаспери, это неправда, что для политики необходимо терпение, поскольку политика – это уже терпение. Аналогичным образом можно сказать, что для процесса развития также требуется терпение.

И это действительно так. Однако развитие - это также солидарность. Во всеобщей борьбе за согласованность, эффективность и конкуренцию будут победители и проигравшие, причем не только среди отдельных лиц и компаний, но и среди стран, регионов и даже целых континентов. Например, Африка и 48 наименее развитых стран или, по крайней мере, большинство из них – в частности 33 НРС находятся в Африке – могут в этой игре оказаться в абсолютном проигрыше. Имеем ли мы моральное право оставаться равнодушными к их участи? Подобное состояние дел, безусловно, объясняется местными причинами, некоторые из которых вызваны людскими недостатками, тогда как другие относятся к объективным, географическим факторам. Можем ли мы, несмотря на это, утверждать, что не несем никакой ответственности за такое положение? Должны ли мы обрекать своим безразличным эгоизмом сотни миллионов братьев и сестер на "тихое отчаяние"?

Некоторые продолжают настаивать на том, что эта проблема может быть эффективнее всего решена путем создания "ровного игрового поля", устранив лишь механизмы, вызывающие ценовые перекосы, и создав равные возможности для всех. Однако фактически страны и народы берут старт с исходных позиций, которые разделены огромными расстояниями. Насколько действительно равным является равенство в данном случае? Следует ли закрывать глаза на то, что состязание так же, как и любая другая игра, требует не только четких правил и беспристрастного судейства, но и соответствующей тренировки и подготовки? Не это ли осуществляют страны, в которых есть меньшинства, издавна живущие в неравенстве и нищете, путем реализации программ "позитивных

действий", направленных не на гипотетическое, а на фактическое равенство благодаря предоставлению неимущим, т.е. неравноправным, конкретным и дифференцированным возможностям, для того чтобы они могли научиться конкурировать, производить и торговать? Это – кропотливая работа, которая, по всей вероятности, потребует труда поколений и, к чему настойчиво призывают президент Клинтон и другие мировые лидеры, энергичных согласованных совместных усилий в целях создания потенциала и институциональной структуры. Это - сложная, но стоящая сил задача, позволяющая приблизиться к той высокой планке требований, которую установил д-р Мартин Лютер Кинг, написав из Бирмингема: "Несправедливость в любом месте ставит под угрозу правосудие повсеместно".

Именно это, кстати говоря, означает солидарность во всеобъемлющем смысле. Она, естественно, берет свое начало из основополагающего единения человечества, единственной возможной базы для совместной ответственности за глобальную среду, за права человека и в то же время для борьбы с нищетой и социальным отчуждением. Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по делам беженцев г-жа Садако Огата имела это в виду, указав, что подлинная глобализация невозможна до тех пор, пока мы не положим конец геноциду. Этот моральный императив, этическая приверженность защите слабых и незащищенных не исчерпывает всего существа данной концепции. Солидарность имеет и чисто экономический, объективный смысл, она отвечает и своекорыстным интересам.

Именно поэтому мы в ЮНКТАД никогда не говорим о глобализации, не добавляя сразу же слов "и взаимозависимость".

Глобализации присущ беззастенчивый элемент, который исключительно подчеркивает неограниченную, беспредельную мощь свободного капитала и касается лишь стремления к извлечению прибыли. В противоположность этому взаимозависимость делает акцент на обоюдность интересов, наличие обоюдных выигрышных ситуаций. Она обращает внимание на связи, которые должны объединять предприятие с его работниками и местными общинами, производителей и потребителей на отечественном уровне; поставщиков и импортеров сырьевых товаров, страны с формирующейся рыночной экономикой с потенциалом быстрого роста и поставщиков капитала и технологии из стран со зрелой экономикой на международном уровне.

С самого начала ЮНКТАД выделяет три ключевые идеи. Во-первых, рост в развивающихся странах зависит от темпов экономического развития и импортного спроса в промышленно развитых странах, и наоборот. Во-вторых, страны с формирующейся рыночной экономикой могут реализовать весь свой потенциал роста лишь в том случае,

если им удастся дополнять и умножать национальные ресурсы финансовыми средствами, инвестициями и технологией из-за рубежа. В-третьих, торговля является наилучшим инструментом для создания "благочина круга" развития, однако для выполнения своей роли торговля должна способствовать динамичному доступу на рынки развитых стран для товаров и услуг с растущей долей технологического содержания и повышающейся добавленной стоимостью.

В одном из своих выступлений на первой сессии ЮНКТАД в 1964 году д-р Пребиш подробно остановился на явлении, названном тогда "торговым дефицитом", т.е. ситуации, когда, говоря его словами, "импорт средств производства и других товаров, которые требуются развивающимся странам, намного превосходит их нынешние финансовые возможности, основанные на поступлениях от экспорта". Имелось в виду, что, если бы эти страны достигли минимального темпа роста годового дохода в 5%, установленного Организацией Объединенных Наций на то десятилетие – контрольного уровня, которое он назвал "чрезвычайно скромной цифрой, которую надлежит превзойти, как только будут созданы необходимые для этого условия" – то к 1970 году этот разрыв составил бы 20 млрд. долл. США. Другими словами, как указал Пребиш, будут иметься средства производства стоимостью в 20 млрд. долл. США, которые невозможно будет экспортировать, что означает утрату многообещающих возможностей экспорта для промышленности передовых стран. По нынешнему курсу доллара это составило бы 200 млрд. долларов.

Эта концепция была переосмыслена в прошлогоднем выпуске *Доклада о торговле и развитии* ЮНКТАД. Был сделан вывод, что, несмотря на результаты Токийского и Уругвайского раундов в 90-е годы, дефицит торгового баланса развивающихся стран в среднем был на 3 процентных пункта ВВП выше уровня 70-х годов, в то время как темпы экономического роста были на 2 пункта ниже. Отнюдь не достигнув намеченного уровня темпов роста в размере 5% и тем более не превысив его, многие страны в этом десятилетии не смогли достичь даже среднегодовых темпов в размере 3%. Так обстояло дело, например, в Латинской Америке, где в то же время уровень дефицита торгового баланса был выше, порядка 4%.

Имелись, естественно, и некоторые впечатляющие исключения, причем во многих случаях – в Азии, и причины общего посредственного уровня показателей весьма разнообразны. Важным фактором являлась вялая динамика экономического роста и импортного спроса в промышленно развитых странах. Аналогичным образом известную роль в этом отношении сыграли падение цен на сырьевые товары и ухудшение условий торговли, а также проведение развивающимися странами неадекватной политики.

Вместе с тем нельзя отрицать, что в значительной степени следует винить несбалансированный процесс либерализации торговли. Профессор Харолд Джеймс из Принстона, которого никак нельзя заподозрить в недобрых чувствах к глобализации, писал в декабре в одной из публикаций МВФ, что торговой системе было позволено преуспеть благодаря намеренно избранному варианту исключения секторов сельского хозяйства, текстильных товаров и одежды. Эту точку зрения, естественно, можно оспаривать, однако нельзя отрицать того факта, что за 53 года существования данная система не смогла в полной мере решить проблему интеграции этих двух секторов, имеющих ключевое значение для развивающихся стран.

Многие годы ЮНКТАД практически оставалась в одиночестве, призывая обратить внимание на эту проблему. Теперь же мы с удовлетворением встречаем поддержку повсюду. Государственный секретарь Соединенного Королевства по вопросам сотрудничества в области развития призвала начать "раунд развития", г-н Майк Мур выступил с пылкой речью в том же духе на Марракешской встрече на уровне министров Группы 77 и Китая. О том же говорили президент Клинтон в Давосе и г-н Паскаль Лами в Брюсселе. На лекции памяти Гилберта Меррея в ОКСФАМ 11 января министр финансов Соединенного Королевства г-н Гордон Браун заявил, что "экзаменом для торговых переговоров станет то, получают ли пользу развивающиеся страны". Для того чтобы добиться прогресса в ВТО, добавил он, они должны отражать "нужды и мнения развивающихся стран и давать им возможность в полной мере участвовать в обсуждениях и в разработке окончательного соглашения".

Я вполне мог бы поставить здесь точку, если бы не осознание того, что еще предстоит решить труднейшую задачу воплощения всего сказанного в конкретные дела. Роль ЮНКТАД при этом ясна. Являясь организацией, основанной на знаниях и занимающейся формированием консенсуса, она должна помогать развивающимся странам создавать институциональные структуры и набирать навыки для разработки торговой, инвестиционной и экономической политики в целом, с тем чтобы успешно вести переговоры со своими партнерами и наиболее эффективно использовать открывшиеся благодаря переговорам возможности.

Предварительным условием достижения этой цели является проведение секретариатом оригинальных, первоклассных исследований и аналитической работы, результаты которых должны дополняться и улучшаться в процессе обсуждений с внешними экспертами и в ходе обмена мнениями с аналогичными международными организациями. Это проложит путь к формированию консенсуса между странами на различных этапах развития и обеспечит основу для практического осуществления как по линии программ, таких, как позитивная повестка дня для торговых переговоров,

коммерческая дипломатия, подготовка кадров по инвестиционным вопросам, так и по линии национальных или региональных проектов создания потенциала во всех областях, касающихся вопросов торговли и инвестиций и смежных вопросов.

Тем не менее одной способности эффективно вести переговоры недостаточно, когда нет предмета переговоров. Для многих развивающихся стран, возможно для большинства из них, проблемой является не столько доступ на рынки, сколько и само предложение. Если при получении поступлений в иностранной валюте страна на 70% зависит от кофе, какао или нефти, как это имеет место в случае более 45 стран в одной только Африке, ей нужно выходить за рамки торговых переговоров, которые сами по себе не могут решить проблем предложения. Для изыскания путей расширения производственной базы, создания потенциала для предложения широкого круга товаров и услуг в условиях рынка потребуются, причем в гораздо большей степени чем техническая помощь, стабильные национальные и иностранные инвестиции, технология, предпринимательские навыки.

В том же выступлении, которое я уже цитировал, д-р Пребиш пророчески говорит "...я чувствую, что когда-нибудь придется создать международную (торговую) организацию значительно большего масштаба с некоторыми сверхнациональными полномочиями, которая в данный момент, очевидно, еще не является приемлемой для всех".

Так, в конечном счете, и случилось, когда родилась ВТО при поддержке развивающихся стран, которые убедились в том, что в их интересах защищать основанную на установленных нормах многостороннюю систему, закрепленную в институциональных рамках, а не в рамках временного договора. Естественно, она не в равной степени обладала всеми чертами, которые имел в виду Пребиш. В идеале такая организация должна обеспечивать предсказуемость и надежность законности наряду со справедливым и сбалансированным распределением преимуществ системы в целях сокращения разрыва, отделяющего очень богатых от крайне бедных.

Во всех этих областях, безусловно, имеются значительные возможности для улучшений, и ЮНКТАД как орган Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, наделенный мандатом поощрять развитие посредством торговли, призвана сыграть в этом отношении законную роль. Это - задача, которую придется решать всем странам вместе в рамках не некой утопической, идеальной, альтернативной системы, существующей лишь в мечтах, а той единственно существующей в реальном мире системы, которая всегда несовершенна и всегда может быть улучшена, как и все мы, люди, и все учреждения.

Пауль Тиллих писал, что в противоположность страданиям смерти и разрушений, ознаменовавшим крушение мира Древней Греции и Древнего Рима, или мукам нравственной вины в конце средневековья, наш мир подходит к концу с болью пустоты и утраты духовности.

Факт, что сейчас, в начале нового столетия и нового тысячелетия, люди повсеместно испытывают тревогу и страх по поводу глобализации и ее предполагаемой угрозы для мира человеческих ценностей и для возможности обеспечения богатой и полнокровной жизни. Это, вероятно, в известной степени связано с возрождением экстремистских политических движений даже при отсутствии исторических причин, которыми, как считалось, обуславливалось их возникновение впервые в 30-е годы.

Следует решать проблемы этих опасений и тревог общества, и нужно начать систематический, структурно оформленный диалог между правительствами, международными организациями и заинтересованными людьми во всем мире. Нам следует обратиться к опыту "Cahiers de doléances", наказов третьего сословия в канун Французской революции, в которых народ излагал свои жалобы и нужды. Теперь же мы должны добиваться принятия "Cahiers d'esperance", наказов с изложением надежд и чаяний. Вместо утопий нужно вспомнить то, о чем так хорошо сказал Александр Герцен: "... бесконечно далекая цель - это не цель, а лишь обман; цель должна быть ближе - хотя бы заработок работника или удовлетворение от исполненной работы". Это, г-н Председатель, дамы и господа, обязанность правительств и международных организаций, работающих рука об руку на этой Бангкокской конференции: дать простым людям, здесь в Азии, в развитых и развивающихся странах, и особенно в беднейших частях мира, реалистичные, заслуживающие доверия, практические основания для надежды на будущее, которые окажутся лучше того кладбища утопий и иллюзий, которые мы оставляем позади.
